

ФАСАД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислав Квасов

Фасад

«Автор»

2026

Квасов В.

Фасад / В. Квасов — «Автор», 2026

Иван — циник и одиночка. Он живёт в тесной комнате, работает в книжном магазине и искренне считает, что дружба не существует, любовь быстротечна, а надеяться — себе дороже. Единственное его убежище — книги. Под давлением обстоятельств он вступает в университетский клуб помощи студентам. Его напарницей становится Юля — красивая, уверенная, безупречная. Но за этим фасадом скрывается человек, уставший от собственной идеальности. Их знакомство начинается с взаимной неприязни, но в процессе помощи другим — тем, кто потерял себя, столкнулся с жестокостью или просто боится сделать первый шаг, — броня понемногу трескается. Между ними возникает хрупкое, почти невидимое тепло. Однако у прошлого длинные тени. Кто-то знает о Ване больше, чем сам Ваня готов себе признать. «Фасад» — психологическая драма о масках, боли и людях, которые учатся снимать доспехи, даже когда вокруг холодно и страшно

© Квасов В., 2026

© Автор, 2026

Владислав Квасов, Иван Кипелин

Фасад

ЧАСТЬ I

I

В углу вагона сидел юноша лет двадцати. Выражение лица выдавало внутренний надлом, следы усталости прорезались морщинами. Каждым взглядом он пытался поймать ощущение покоя, которого остро не хватало в этой суете. Новые пассажиры возникали перед ним будто досадные помехи, усугубляя назойливое раздражение. Мысли кружились неумолимо, не давая отдыха, постепенно сливаясь в унылую песню недовольства жизнью.

Домой... Лишь эта мысль жила ярко в сознании. Вернуться туда, погрузиться в привычные стены, скинуть груз долгой дороги и позволить себе отдых. Но сердце ощущало пустоту и непонимание: почему жизнь перестала приносить радость, оставляя позади серость и разочарование?

Внешне юноша выглядел невзрачно, однако стройная фигура, аккуратно приглаженные волосы и приятная внешность придавали ему некий шарм. Если бы не постоянное выражение гнева и грусти, его облик вполне мог привлечь внимание окружающих.

Это Иван — студент, живущий в тесной комнатухе неподалёку от шумного метро. Материальное положение незавидное: скромная стипендия и работа в книжном магазине. Душа искала поддержки, удовольствия, и единственный луч света приходил к нему через книги. Любые, самые разные книги — классика, философия, наука — становились спутниками каждого дня. Их страницы создавали особый мир, наполненный покоем и умиротворением, способный укрыть от суровых реалий действительности.

— Простите, не могли бы вы уступить место?

Голос звучал столь отчётливо, что Ваня мгновенно очнулся от своих дум. Поднял голову и замер, поражённый красотой, открывшейся перед глазами. Перед ним стояла молодая девушка примерно тех же лет, что и он сам. Её внешность источала очарование и утончённость. Светлая гладкая кожа, мягкие волны волос подчёркивали выразительные черты лица. Девушка держалась уверенно, каждое движение дышало изысканной женственностью — полная противоположность грубоватому облику самого Вани.

— А куда тогда мне самому деваться? — хмуро пробормотал он.

Девушка вспыхнула от смущения и негодования одновременно. Её пальцы произвольно накрутили прядь волос — тонкий, почти незаметный жест, который Ваня почему-то запомнил сразу.

— Хам, — тихо произнесла она, краснея, и резко отдернула руку, словно поймала себя на лишнем движении.

Тем временем мальчишеская дерзость взяла верх над здравым смыслом.

— Знаете что, садитесь прямо тут, на полу, коли уж вам так приспичило, — усмехнувшись, предложил Ваня.

Эти слова окончательно сломили терпение девушки. Уже на ближайшей станции она решительно вышла из вагона — возможно, потому что действительно должна была там выйти, а может, просто не смогла дальше терпеть общество невоспитанного соседа. Впрочем, на саму судьбу девушки Ване было совершенно безразлично.

Вскоре, достигнув долгожданной остановки, Иван выбрался из душного вагона и медленно двинулся к своему жилью, погружённый в мечты о грядущем сладком сне. Тихая ночь окутывала улицу прохладным покровом, воздух трепетал от слабых дуновений ветра, создавая особую атмосферу покоя и уюта. Редкие фигуры прохожих, скрывшись в дымке сигаретного дыма, мерцали огоньками возле подъездов, рассеивая густую тьму.

Шагая знакомым маршрутом, Иван миновал детскую площадку, некогда полную детского смеха и криков, а теперь замершую в ночной тени. Эта маленькая территория хранила тёплые воспоминания детства, украшенные звуками весёлых игр и запахом свежей травы.

Сейчас, проходя мимо качелей, нежно поскрипывающих под порывом ветерка, Иван испытывал смешанные чувства. Детские игры навсегда остались в прошлом, оставив после себя лишь светлые воспоминания и тёплое чувство щемящей грусти. Время стёрло яркие краски былого, превратив их в оттенки спокойствия и лёгкой печали.

Парень замер на мгновение перед порогом дома, погружённый в собственные мысли, ведомые лишь ему одному. Быть может, кто-нибудь и попытался бы угадать, что именно занимало его ум в тот миг, однако наверняка известно было одно: никто не мог проникнуть в тайну его размышлений. Стремительно раздевшись, Иван опустил на кровать и вскоре погрузился в глубокий сон. Сон являлся для него настоящей радостью, тихой гаванью среди бурь повседневности, дарившей покой и забвение, независимо от того, насколько тяжёлым выдался предыдущий день.

2

Утро. Всё по новой. Завтрак. Метро. Университет. Жизнь молодого человека была размеренной и неизменной, словно заведённый механизм. Его общение с однокурсниками оставалось поверхностным, едва ли достойным называться дружбой. Когда какой-то Паша из соседней комнаты предложил зайти на чай с печеньем, Ваня даже не остановился — бросил «нет времени» и скрылся за дверью. Паша привычно вздохнул, но в голосе не было обиды — только усталая привычка наткаться на холод.

Казалось, сегодняшний день ничем не отличается от предыдущих, и юноша вполне обоснованно полагал, что так оно и останется. Однако судьба приготовила для Ивана неожиданный сюрприз.

По завершении лекций молодой человек направлялся домой, следуя своему обычному распорядку. Но неожиданно его остановили, вызвав на беседу. Преподаватель, пригласивший парня поговорить, резко выделялся на фоне коллег своей небрежностью внешнего вида. Зубы у него неизменно сверкали чистотой, волосы выглядели свежими и ухоженными, однако густая щетина создавала впечатление полной беспечности и неаккуратности. Именно эта несообразность придавала облику преподавателя особую выразительность и делала его внешность запоминающейся. Этому разговору предстояло стать началом грандиозных перемен в судьбе героя, ведь именно в этот день началась его внутренняя трансформация — столь неприметно и незаметно.

— Ну и зачем же вы решили меня вызвать? — произнёс Иван, стоя на пороге кабинета.

— Может, чаёк попьёшь сначала? — Куратор снова предпочёл уклониться от прямого ответа.

— Согласен, давайте зелёный, и побольше сахара, пожалуйста.

Между ними царил особая атмосфера доверия. Иван нередко делился с Ильичом самыми сокровенными мыслями, и, несмотря на разницу в статусах, между ними установилось нечто вроде дружбы.

— Хочу серьёзно поговорить о твоей жизни, — наконец начал куратор. — Живёшь, сам видишь, без цели. Тебе это разве не надоело?

— Нисколько, — ответил Иван абсолютно искренне, оставаясь внешне спокойным.

— Послушай-ка, Ваня. Эта твоя юность — лучшее время, которое проходит мимо тебя. Потом пойдут будни, служба, обязательства, скука смертельная. Жить нужно так, чтобы потом не приходилось сокрушаться.

— Со мной этого не случится, — уверенно оборвал кураторские сентенции Иван.

— Типичный ответ от моего друга, — согласился Ильич. — А девчонки наши симпатичные то и дело глаз радуют. Много красивых особ тут учится, могло бы пригодиться кое-кому.

Иван взглянул на профессора подозрительно:

— Иногда вашу фантазию легко спутать с преступлением.

— Эй, не спеши обвинять. Я уже выяснил точный возраст всех моих учениц — каждой по восемнадцать годочков исполнилось!

— Надеюсь, они отвечают взаимностью вашим намерениям, — пробормотал Иван, искривив губы в лёгкой усмешке.

— Это уже моё дело, — отмахнулся куратор.

— Извольте пояснить, зачем вы меня пригласили, — устало протянул Иван.

— Ага, вспомнил, — воскликнул Ильич. — Дела-то серьёзные: ты обязан присоединиться к клубу.

— Мне можно отказаться? — поднял бровь Иван.

— Опять пытаешься уйти от очевидного решения, — укоризненно качнул головой куратор. — Сам прекрасно знаешь свою склонность избегать любых социальных мероприятий, вот я и подобрал клуб исключительно для тебя.

— Буду покорно исполнять волю начальства, — съязвил Иван. — Но посещать собрания я не намерен.

— Готов ко всему, — сказал Ильич с широкой улыбкой. — Посещаешь — получаешь денежное вознаграждение. Отказываешься — будем решать проблему иначе, скажем, отчисление не заставит себя ждать.

— Теперь яснее стало, — признал Иван. — Соглашаюсь, лишняя копейка карман не оттянет.

— Замечательно. Ещё пара важных моментов. Сегодня же познакомишься с членом клуба.

— Всего один человек?

— Да, и притом девушка. Надеюсь, знакомство окажется полезным.

— Что ж, посмотрим, — махнул рукой Иван.

Разговор плавно перешёл на учебную тематику, после чего Иван неспешно покинул кабинет, отправившись навстречу новым приключениям.

Ваня и не намеревался проводить много времени в помещении клуба. Для него важно было выяснить суть задания и поскорее покинуть это место. Когда он подошёл к двери, внутренне собравшись, открыл её — и буквально остолбенел. Перед ним оказалась та самая девушка, которой он ранее отказал в вагоне метро.

— Вот так встреча, — вырвалось у Вани.

— Совсем неприятная, — коротко прокомментировала незнакомка. Её пальцы привычным движением накрутили прядь волос — Ваня снова заметил этот жест. Она тут же отдернула руку, словно разозлившись на себя.

— Э-э, послушай. Наша первая встреча прошла неудачно, — осторожно предложил Иван начать заново. Парню было понятно: если эта девушка сообщит куратору о конфликте, его шансы остаться в клубе станут призрачными, а вместе с ними исчезнут и денежные вознаграждения от Ильича.

— И желания знакомиться совсем нет, — отчуждённо заявила собеседница.

— Всё-таки скажи, как тебя зовут? — пытался наладить контакт Иван.

— Неважно, вряд ли ты останешься тут надолго, — фыркнула девушка, подчёркивая нежелание сближаться.

— Вот сучка, — тихо пробормотал Ваня, стараясь скрыть раздражение. — Меня зовут Ваня, и я действительно хочу сделать нашу встречу приятной. Тем более что ты здесь одна, вдвоём будет веселее. Мне интересно, какая задача стоит перед нами.

— Веселье рядом с тобой? Спасибо, обойдусь сама, — отрезала девица, уткнувшись обратно в книгу. После короткой паузы добавила, очевидно смягчаясь: — Юлия. Задача

нашего клуба — оказывать поддержку студентам по различным вопросам, никак не затрагивающим тёмные мотивы.

— Ещё та головная боль, — проворчал Иван. — Много у нас клиентов?

— Пока что заявок практически нет. Но если качественно справляться с заданиями и заслужить хорошую репутацию, количество желающих воспользоваться услугами увеличится.

— Вот этого я и боюсь, — пробормотал Иван, глядя на неё с беспокойством. — На сегодня хватит, еду домой.

Быстро собрав вещи, он выскочил из помещения, оставив Юлю ошарашенно смотреть вслед.

— Нахальный мальчишка, — невольно вырвалось у Юлии, хотя она была ровесницей Ивана.

Спешу сказать, что последующее повествование будет вестись от лица главного героя.

Я циничный человек. У меня нет друзей, нет девушки. Многие мои идеи или мысли совсем отличны от мыслей других людей. Я сам к этому пришёл и не собираюсь меняться. Это многим не нравится, но мне плевать на всех. Я не обижен на весь мир — это всего лишь жизненный опыт. Когда Паша из соседней комнаты позвал меня на чай, я даже не остановился. Он вздохнул — привычно, без злости. Мы оба знаем: меня не пробить. Я плохо понимаю, как правильно общаться с людьми. Однако благодаря наблюдениям за школьным классом и университетской группой я научился давать быстрые и лаконичные ответы, позволяющие скорее закончить разговор. В начальной школе я пытался завести друзей, но все считали меня странным. Люди вообще бывают разными, однако непонятно, почему роль изгоя выпала именно мне. Однажды в средних классах признался в чувствах одной девчонке, думая, что она ко мне благосклонна. Оказалось, она точно так же общается со всеми ребятами. Она дала мне свой номер телефона, который оказался вовсе не её номером. Я написал ей сообщение, ожидая ответа, но никто не ответил. Может, это и к лучшему. Стать таким человеком было моим собственным выбором, и я не собираюсь никого обвинять.

Покидая кабинет клуба, я направился к автомату с напитками, традиционно выбирая банку холодного кофе. Рядом появился Ильич и завязал беседу:

— Ну что? — привычно поинтересовался куратор.

— Про клуб? — уточнил я.

— Ясное дело, больше ведь нечего спросить в твоей унылой жизни, — улыбнувшись, заметил он.

— Открыто высказываться об этом не стоило, — возразил я. — Мне кажется, моё присутствие в клубе никому не приносит радости. Впрочем, я давно привык к подобному отношению.

— Ты познакомился с Юлей? — вновь подал голос Ильич.

— Назвать это знакомством трудно, но цель клуба стала ясна. Этого пока достаточно.

— Всё тот же ты, — усмехнулся куратор. — Знаешь, я надеюсь, что твоя юность станет лучшим периодом твоей жизни. Ладно, увидимся ещё, — сказал он, отпирываясь обратно в свой кабинет.

Опять эта пресловутая юность... Почему принято считать её лучшей порой жизни? Для меня это заблуждение. По моему убеждению, юность — это эпоха иллюзорных ожиданий и неоправданных надежд. Молодые ждут чудес и волшебства, верят в светлые дни впереди, мечтают о настоящей дружбе и вечной любви. Но чаще всего всё заканчивается крахом фантазий и ощущением пустоты внутри. Настоящая дружба встречается крайне редко, а любовь быстротечна и призрачна. Именно поэтому я испытываю неприязнь к юности. Ожидания обманывают, желания не сбываются, реальность предстаёт гораздо прозаичнее. Лишь одно остаётся неизменным: человек почти никогда не способен разочароваться в самом себе. Если ошибётся, начнёт искать оправдания, убедительно изображая раскаяние, чтобы избежать конфликта и

удержать отношения с близкими людьми. Юность — огромная ошибка, но в ней заложено главное достоинство: постепенное взросление и стремление превозмочь собственные ограничения.

Я медленно пошёл к выходу. Там я увидел Юлю. Судя по всему, она кого-то ждала. Не хотел бы, чтобы она меня заметила, так что я отвернул голову и прошёл мимо неё. Но это мне не помогло.

— Эй, я думала, ты уже ушёл, — прозвучало рядом.

Что за день такой?! Зачем она обращается ко мне? Просто хочу уйти домой и улечься спать.

— Не стоит смотреть на меня таким глупым лицом, — заявила Юля.

— Ты это вслух произнесла, если что...

— Лицо у тебя, как у дохлой рыбы, — равнодушно бросила она. Сказала это и даже бровью не повела. Вот именно такие люди обычно и остаются без друзей. Впрочем, мне самому тут говорить нечего.

— Я довольно симпатичен, — ответил я. — Твои слова меня совершенно не задевают.

— Кто тебе такое сказал?

— Никто. Сам к такому выводу пришёл.

— Верно, — кивнула Юля. — Кто тебе мог такое сказать, если у тебя нет друзей?

Она накрутила прядь волос на палец — тот самый жест, который я уже видел в вагоне. Заметил я это или нет — неважно. Важно, что она снова отдернула руку, будто поймала себя на слабости.

— Они мне и не нужны, — процедил я сквозь зубы.

— Обычное возражение от социального изгоя, — подытожила она.

Почему она так уверенно рассуждает свысока? Сама-то ничуть не лучше.

— Давай поспорим, — вдруг предложила Юля.

Любопытно, что движет этой девушкой.

— Кто победит, тот загадывает желание проигравшему, — продолжила она. — Проигравший обязан выполнить любое пожелание победителя, какой бы высокой цена ни была.

— Интересно, конечно, — отозвался я. — Но в чём заключается спор?

— Проверим, кто справится с решением большего числа вопросов студентов, обратившихся в клуб.

— Согласен, — ответил я. — Но зачем тебе это нужно?

— Чтобы поиздеваться над тобой, — откровенно призналась Юля.

Нет, ну посмотрите на неё. Совершенно не стесняется показать своё негативное отношение ко мне. Причём такая уверенная в своей победе.

— Значит, я смогу загадать тебе любое желание? — хитро улыбнулся я.

— Бр-р, мерзко выглядишь, — сморщилась Юля. Её пальцы снова потянулись к волосам, но она с усилием опустила руку. — Но да, правила такие.

Причём здесь внешность? Да и вообще я вовсе не собирался загадывать ничего неприличного.

— До завтра, значит, — попрощалась Юля и пошла к выходу.

Этот спор вполне подходит для моих целей. Теперь смогу поставить условие расформирования клуба без урона для себя со стороны Ильича и избавиться от всей этой головной боли.

Человек — существо сложное. Понять, что творится у него в голове, непросто. Но часто можно почувствовать его состояние по эмоциям, взглядам, поведению. Скажу честно, я тоже иногда ощущаю те самые чувства, которыми наделены остальные люди. Оказывается, я не совсем чёрствый.

Осень — моё любимое время года. Не холодно и не жарко. Нельзя сказать, что я не люблю зиму, весну или лето, однако летом мне действительно некомфортно: на улицах многолюдно, душно, и такому, как я, трудно найти занятие.

Обычно после уроков я направляюсь прямо домой, но теперь приходится идти в другое место. Медленно добравшись до кабинета клуба, я замешкался возле двери, задумался, потом решительно вошёл внутрь. Уже знакомая Юля сидела там, погружённая в чтение. Как обычно, она выглядела безупречно — красивой, сдержанной, почти идеальной, хотя временами её строгость кажется чрезмерной. Видимо, многие находят её привлекательной. Посередине комнаты располагался длинный стол. Я устроился подальше от Юли, открыл свою книгу и углубился в чтение.

Минуло больше получаса, мы оба молчали. Я украдкой взглянул на Юлю — та продолжала сидеть неподвижно, словно статуя. Кажется, она была создана для роли совершенства, ведь даже её прямая спина смотрелась великолепно, чем у большинства окружающих. Но я заметил: она медленно накручивала прядь волос на указательный палец, потом распускала, потом снова накручивала. Автоматически, будто не замечая. Я быстро отвёл глаза обратно к книге... и услышал её голос:

— Тебе что-то нужно?

Юля говорила, не поднимая глаз от страниц. Рука замерла у виска.

— Нет, абсолютно ничего.

— Ну знаешь, неприятно ощущать чей-то пристальный взгляд, особенно твой.

«Особенно»? Ты даже не представляешь, как я тебя мысленно похвалил.

Дверь распахнулась, и появилась незнакомая девушка. Это зрелище вызвало чувство досады: как хорошо было бы провести вечер спокойно, без обязательств, но вот я здесь, в клубе волонтеров.

— Простите, нужна ваша помощь, — обратилась она, представившись Лизой.

— С чем именно? — немедленно откликнулась Юля.

— Я занимаюсь организацией мероприятия для первокурсников нашего университета.

Планируется праздничный концерт и вечеринка.

— Извини, но нам придётся отклонить твою просьбу, — отрезала Юля. — Клуб волонтеров не является рабочей силой. Могли бы предложить помощь лишь в составлении сценария праздника.

— Как жаль, но всё же...

— Без шансов.

Очередная демонстрация её упёртого характера. Создавала клуб ради помощи другим, а сама ведёт себя грубо. Странная какая.

— Прошу, пожалуйста!

— Хорошо, я помогу, — произнёс я.

Зачем я вмешался?

— Благодарю, свяжусь позже.

— И я присоединюсь, — внезапно добавила Юля.

Удивление Лизы вполне понятно: вряд ли ей пришло бы в голову искать причину столь резкого изменения позиции подруги. Один я понимал истинную мотивацию Юли. Она не хотела уступать — даже в помощи. Даже мне.

— Завтра зайду снова, обсудим подробности.

Сказав это, Лиза поднялась и покинула помещение.

— Не хотела же помогать, — съязвил я.

— Знаешь, я очень не люблю проигрывать, особенно таким, как ты. Ты человек без цели, эгоцентричный придурок, совсем не знаешь, чего хочешь. Я не проигрываю таким людям — это для меня непозволительно. Ты всего лишь препятствие, которое мне подкинула судьба, чтобы я показала: я лучше. Просто этап.

Её пальцы снова накрутили волосы — на этот раз она не отдернула руку. Оставила так, будто это было вызовом.

— Я всё это знаю. Ничего нового ты не сказала.

Конечно, я всё это знаю. Я именно такой персонаж и привык к этому. Мне даже нравится отыгрывать такую фигуру: мало забот, не о ком волноваться. Раз даже Юля это заметила, значит, я вполне справляюсь с этой ролью. Я ничего не отвечу — не нужна мне ещё одна проблема в виде ссоры с этой девчонкой. Но почему-то мне стало не по себе от её слов.

— Ладно, пора по домам, — как ни в чём не бывало сказала Юля.

— Верно.

Юля — довольно странная девушка: прямая и эгоистичная, этим она и раздражает. Но для людей, которые с ней не знакомы, она — идеал. Многие хотели бы видеть её спутницей жизни или хотя бы другом. Однако те, кто узнаёт её поближе, отдаляются, поэтому у неё нет друзей. Тем не менее эта прямолинейность помогает ей отсеивать людей, которые могут навредить или помешать достижению целей. Мы с ней чем-то похожи.

— Вань, подожди.

Ну что опять? Лиза? Что ей от меня надо? Я думал, она давно ушла.

— Есть планы на вечер?

— Да, дома запрошенная кровать. Ей душно, нужно расправить и, по сложившейся ситуации, лечь спать.

— Ясно, значит, планов нет. Сходишь со мной в парк? Мне нужно с тобой поговорить.

Я же сказал, что планы у меня есть. Совсем нет желания идти, но...

— Это по поводу вашего клуба.

— Так это ты к Юле иди. Ко мне-то что припёрлась?

— Не будь таким. А Юля наотрез отказалась со мной разговаривать не по работе.

Не удивлён. Но почему я должен это делать?

— Всё, идём! — заявила Лиза.

Я согласился — может, это поможет с мероприятием.

— Я передумала, пойдём выпьем кофе. Тут неподалёку есть уютная кафешка.

— Кофе за твой счёт.

— Хорошо, — с недовольной миной сказала Лиза.

Ты же мне предложила, чего с лицом-то?

— Как дела?

— Всё как всегда.

Я надеялся, что хотя бы по дороге к кафе мы будем молчать, но она явно не собиралась оставлять меня в покое.

— Знаешь, это мероприятие для меня очень важно. Я хочу показать всем, что я не легкомысленная, что на меня можно положиться.

— Кому ты хочешь это доказать?

— Всем. Но особенно родителям. Они считают меня негодной, а я хочу доказать, что не только языком умею плести, но и на большие дела способна.

«Вот оно что», — мелькнуло у меня в голове.

— Поэтому я очень хочу, чтобы ты мне помог.

Она улыбалась. Мне показалось, что Лиза счастлива, несмотря на то что родители её ни во что не ставят. Она пытается доказать, что стоит большего.

Наконец мы добрались до кафе. За время прогулки я утомился больше, чем за весь день.

— Так о чём ты хотела поговорить?

— В вашем клубе всего два участника. Вот я и подумала: могла бы вступить к вам. Втроем всё же веселее.

Где-то я уже это слышал.

— Об этом нужно разговаривать с главой клуба, а не со мной.

— В этом-то и проблема: Юля не хочет со мной разговаривать. Можешь поговорить с ней.

Я? Юля до глубины души ненавидит меня. Я последний, кто мог бы о чём-то с ней договориться.

— У меня вряд ли выйдет.

Хотя я мог бы извлечь небольшую выгоду.

— Хорошо, я поговорю с Юлей, но с одним условием.

— Каким?

— Ты будешь приносить мне домашнюю еду, если вступишь в клуб.

Ну а что? Я очень редко питаюсь чем-то полезным, и считаю это вполне приемлемой просьбой.

— И сколько я должна этим заниматься?

— Скажем, месяц.

— По рукам.

Вот и отлично. Будет печально, если она не умеет готовить.

— Раз на этом всё, я пойду.

— Стой.

Ну что опять!

— Что ещё?

— Почему ты решил вступить в этот клуб? Ты же на самом деле хороший человек, я права?

— Тебя это не касается.

После этих слов Лиза поникла.

— Хорошо, я тебе объясню, но тебе не понравится то, что ты сейчас услышишь. — Сказав это, я обратно сел за стол. — Я делаю это только для личной выгоды. Всех карт раскрывать я не собираюсь. Ты думаешь, мне нравится каждый день видеть много людей? Или Юлю? Видеть их каждый день — это невыносимая ноша, но я мучаюсь лишь ради выгоды, вот и всё. Так что ты не права, не выдумывай. Я совсем не такой.

— Я поняла. Тогда жду от тебя новостей про клуб. — Лиза встала и вышла из кафе.

Чуть подождав, я также поспешил к выходу. Каждый ищет во всём выгоду, преимущество, и я один из таких.

3

Я всегда думала, что быть лучшей — это счастье. Но со временем поняла: моя «идеальность» стала клеткой.

Все вокруг восхищались, но никто не хотел быть рядом по-настоящему. Я видела, как другие смеются, делятся секретами, ссорятся и мирятся. А у меня были только оценки, достижения и похвалы. Внутри росла пустота, которую не могли заполнить ни грамоты, ни аплодисменты.

Я начала бояться ошибок. Каждая четвёрка казалась предательством, каждая неудача — катастрофой. Я разучилась быть собой, потому что «сама собой» — это всегда недостаточно хорошо. Я стала играть роль той, кем меня хотели видеть, и забыла, кто я на самом деле.

Иногда мне хотелось закричать: «Я не идеальна! Я тоже устаю, боюсь, сомневаюсь!» Но никто не слышал. Все видели только фасад.

Я построила себе пьедестал, но забыла сделать лестницу. Ни для кого другого. Для себя.

Я хочу всё исправить. Но не могу.

— Да, входите. А, это опять ты.

Голос прозвучал холодно, почти равнодушно. Я сидела за столом, разбирала бумаги и даже не подняла головы. В дверях стоял Ваня — взъерошенный, хмурый, с вечным выражением человека, который только что потерял последний интерес к жизни.

Снова припёрся. Видеть его не хочу. Ну почему мне в напарники достался именно такой человек?

— Да, как и всегда, — ответил он безэмоционально, бросил рюкзак на свободный стул и, не садясь, добавил: — Впрочем, у меня есть к тебе одна просьба. Та девчонка, которая просила у нас помощи...

— Нет, — перебила я. — Я ей уже говорила.

— Я знаю. — Он помолчал, посмотрел в окно — за ним уже зажигались первые вечерние фонари, жёлтые и какие-то вязкие. — Но всё же она может нам помочь. Наша главная задача — выручать студентов, а не спорить.

Я наконец подняла глаза. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с той непрошибаемой уверенностью, которая бесила больше всего. Но я чувствовала: он врёт. Говорит это с серьёзным лицом, а сам думает об обратном. Скорее всего, что-то попросил за помощь. Мои пальцы сами потянулись к волосам — я накрутила прядь на палец, потом одёрнула себя. Не хватало ещё, чтобы он заметил эту слабость.

— Она легкомысленная, — отрезала я. — Совершенно не подходит для такого.

— Именно это и может помочь людям, — неожиданно мягко возразил он. — Иногда человеку нужно обычное, шутивное, даже глупое общение. А с нами он такого не получит. Ты и сама это прекрасно понимаешь.

Я промолчала. Он старался — это было видно. Слова его, может, и ничего не стоили, но в них вдруг проступило что-то толковое. Я раздражённо постучала ручкой по столу.

— Доля правды в этом есть, — признала я нехотя. — Но почему ты так стараешься?

Он чуть заметно усмехнулся — той кривой усмешкой, от которой хотелось запустить в него чем-нибудь тяжёлым.

— Она мне кое-что пообещала.

Так и знала.

— А что ты сам о ней думаешь? — спросила я, откидываясь на спинку стула.

— Мне обязательно отвечать?

— Как хочешь.

На что я надеялась...

Он вздохнул, провёл рукой по волосам — жест усталый, почти привычный.

— Она хороший человек. Целеустремлённая и упёртая, что меня очень раздражает. Она слишком... «живая», что ли.

Я чуть приподняла бровь. Неожиданно.

— Согласна с тобой, — сказала я. — Я думала, ты не умеешь думать. Удивлена.

— Смешно. Больше не шути.

— Всем привет!

Дверь распахнулась, и в кабинет влетела Лиза — розовощёкая, с растрёпанными волосами и огромной сумкой через плечо. От неё пахло осенней свежестью и кофе. Точно! Мы же сегодня обсуждаем план мероприятия.

— Почему такие тухлые? — Она оглядела нас с порога. — А, вы же всегда такие. Ванька, как дела?

— Лучше всех, — буркнул он.

— Юль, не будь такой угрюмой. Улыбка тебе больше идёт.

Я не улыбнулась. Но пальцы снова накрутили волосы — я поймала себя на этом и опустила руку.

— Не будем терять времени, — сказала я, жестом приглашая Лизу сесть. — Начнём с ролей. Нужен ведущий. Есть кто-нибудь на примете?

— Да, моя подруга сказала, что очень хочет вести всё это дело, — быстро ответила Лиза, вытаскивая из сумки блокнот.

— Хорошо. Теперь нужна рабочая сила. А для концерта — выступающие. Это задание для тебя, — я посмотрела на Ваню.

Он замер.

— Меня? — переспросил он таким тоном, будто я предложила ему прыгнуть с крыши.
— Не лучше ли это поручить Лизе?

Я прекрасно всё понимала. И именно поэтому выбрала его.

— Мы с Лизой будем писать речь, — спокойно объяснила я. — Так что только ты справишься с этой работой. К тому же ты первым вызвался помогать.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В глазах мелькнуло что-то вроде уважения. Или ненависти. С ним никогда не поймёшь.

— Как скажешь, — наконец произнёс он. — Тогда я откланяюсь.

Он развернулся и вышел, плотно притворив дверь.

— Ты специально дала ему такое задание? — спросила Лиза, когда его шаги затихли в коридоре. — Между вами что-то случилось?

— Нет, — ответила я, возвращаясь к бумагам. — Абсолютно ничего.

Но мои пальцы снова накрутили прядь волос. Я отёрнула руку и разозлилась на себя. Зачем? Он просто никто.

Прошло уже два дня. Ваня так и не появлялся в клубе.

Интересно, как у него дела? Если он не справится, придётся ему помочь — спорить спором, но дело важнее. Все дни, что он отсутствовал, мы с Лизой писали речь. Почти дописали. Оставалось только продумать порядок выступлений, но для этого нам нужен был отчёт нашего «лучшего студента».

Эти два дня, что мы работали с Лизой, я заметила одну странную вещь: она всегда была энергична. Иногда это досаждало — слишком громко, слишком быстро, слишком много жестов. Но работала она эффективно. И ей это правда было нужно. Не для галочки, не для корочки. По-настоящему.

Теперь она называла меня подругой. Смешно. Но я, кажется, была не против.

Сейчас мы сидели в кабинете. Вечерние тени уже заползли на стены, за окном темнело. Я вносила последние правки в речь ведущей, когда дверь открылась.

И он появился.

Тот самый, который, как я думала, ушёл навсегда. Тот самый, которого я послала на погибель — ведь для него эта задача была сложнее сражения с драконом. Но он вернулся.

Вернулся он таким же угрюмым, с лицом как у рыбы-капли. Ссутуленные плечи, тёмные круги под глазами — будто не спал неделю. А за его спиной стояла толпа студентов.

Я выронила ручку.

Как он это сделал? Я смотрела на него, не веря своим глазам. Человек, который избегает людей как чумы, привёл с собой человек десять — и все они выглядели заинтересованными.

— Ваше величество, — произнёс он с издевательским поклоном. — Все они — ваши подданные.

На него посмотрели как на низшее существо. Он скривил улыбку — ту самую, после которой хотелось то ли ударить его, то ли заплодировать.

Я поймала себя на том, что накручиваю волосы на палец. Сильно, почти до боли. Отёрнула руку.

В итоге мы собрали всех нужных выступающих. Время близилось к девяти вечера. Университет опустел: коридоры затихли, свет погасили везде, кроме нашей комнаты. Давно я так не засиживалась.

Теперь дело за малым — точнее, за сценой и техникой. Лиза сказала, что поговорит с кем надо, и всё организуют. Так что по идее вся работа была выполнена.

Сейчас я была готов прийти домой и завалиться спать.

Я вышла на улицу — и остановилась.

Ночной город был удивителен. Фонари красиво освещали мокрый асфальт — видимо, недавно прошёл дождь. В воздухе пахло сыростью и увядающими листьями. Тишина так плотно окутывала голову, что можно было спокойно погрузиться в свои мысли и забрести не туда. Например, в общество ненавистного студента.

Он стоял у крыльца, застёгивая куртку. Увидел меня — и почему-то не ушёл.

— Я думал, ты уже ушла, — сказал он.

— Хотелось бы, — ответила я, поправляя сумку на плече. — Но не успела. Не успела уйти быстрее тебя.

Он хмыкнул.

— И как же ты умудрился привести столько народу? — спросила я, без намёка на похвалу. Мои пальцы снова потянулись к волосам — я на секунду замерла, потом опустила руку. Не при нём.

— Ты что, хочешь меня похвалить? — Он усмехнулся. — Самое время.

Лучше бы просто сказал, а не выпендривался.

— На самом деле всё просто. — Он пожал плечами. — Интернет существует, знаешь, что это такое? Просто запостил объявление, что нужны люди, и они сами ко мне пришли.

Мы пошли по тёмной улице. Фонари отбрасывали длинные тени, где-то вдалеке лаяла собака.

— Тебя проводить? — вдруг спросил он.

Я даже остановилась.

— Ты пил, что ли?

Вопрос был вполне обычным для человека, который вдруг начал странно себя вести.

— Если честно, не горю желанием, — добавила я, трогаясь с места. — А то поедем в метро, и придётся мне, красной от стыда, вылетать из вагона.

Он чуть заметно улыбнулся — не своей обычной кривой усмешкой, а почти нормально.

— Хорошо, провожу только до метро.

— Проводи, — неожиданно для себя согласилась я.

Мы шли молча. Он не пытался заговорить, я тоже. Но молчание было не неловким — странным, каким-то... почти мирным.

Я поймала себя на том, что снова накручиваю волосы на палец. Убрала руку. Потом, через минуту, повторилось. Я разозлилась на себя.

Я знаю: я, наверное, не очень нравлюсь вам, читатели. Но всё-таки ничего не могу с собой поделать. Я по натуре не люблю ветреных людей. И всё же вам меня терпеть придётся до самого конца этой истории.

4

Зачем я попросился её провожать?

Сам не знаю. И знать не хотел. Ноги шли сами собой — механически, как у любого человека, который привык двигаться по маршруту, не думая о цели. В конце концов, метро — это просто метро. Провожу до турникетов, развернусь и пойду домой. Ничего личного.

Ночь окутала город плотно и равнодушно. Фонари горели ровным жёлтым светом, разгоняя темноту по краям тротуаров, но сырой осенний воздух делал этот свет мутным, почти бесполезным. Где-то за домами слышался далёкий гул поезда — ровный, убаюкивающий, как дыхание спящего зверя. Лужи под ногами отсвечивали маслянистыми разводами. Я просто шёл и чувствовал, как подошвы ботинок шуршат по мокрым листьям.

Юля шла чуть впереди, сцепив руки за спиной. Прямой силуэт, волосы, которые ветер сдувал на плечо, — всё это было. Я замечал, но без интереса. Как замечаешь фонарный столб: есть, и ладно.

Но потом я заметил другое: когда мы проходили мимо лужи, она сделала три мелких шага, чтобы обойти её, а не перешагнуть. Три. Я почему-то запомнил это число. И ещё: её

пальцы то и дело тянулись к волосам, накручивали прядь, потом она с усилием опускала руку. Повторялось это раз за разом, будто она боролась с собой.

Я не собирался нарушать тишину. Но она заговорила первой.

— Ты всегда такой молчаливый? — спросила Юля, не оборачиваясь.

— Часто, — ответил я равнодушно.

— И тебя это не напрягает?

— А должно?

Она остановилась на секунду — я заметил, как её пальцы сжались в кулак, потом разжались. Потом снова пошла.

— Просто странно, — сказала она чуть тише. — Обычно люди, когда идут рядом, хоть что-то говорят. Или хотя бы делают вид, что им интересно.

— Я не «обычно», — пожал я плечами. — Ты это и так знаешь.

— Знаю, — сухо ответила она. — И это бесит.

Мы пересекли небольшой сквер. Деревья стояли голые, чёрные ветви тянулись к небу как просящие руки. Где-то в кустах возился кот — я даже голову не повернул. Но Юля повернула. Посмотрела в ту сторону, задержала взгляд на секунду, потом отвернулась. Быстро. Словно поймала себя на ненужном любопытстве. Её рука снова потянулась к волосам — она накрутила прядь на палец, распустила, потом накрутила снова.

— Слушай, — снова заговорила она, теперь холоднее. — Ты же много читаешь. В клубе вечно в книгу уткнулся. Ради чего? Люди тебе не интересны, а книжные выдумки — да?

— Люди, — сказал я, — слишком часто бывают иррациональны. У них нет сценария, нет логики. Книги хотя бы честны: если автор написал, что герой поступит так — значит, так и будет. В реальности человек может разбить тебе что-нибудь просто потому, что у него плохой день. Ни мотива, ни смысла. Одна усталость.

— Звучит как оправдание собственной лени, — заметила Юля.

— Звучит как наблюдение, — поправил я. — Но можешь считать как хочешь.

— И что, ты правда веришь, что в мире нет никакого порядка?

— Я верю, — ответил я, — что порядок — это редкое исключение, за которое надо платить вниманием и временем. А мне лень платить. Так проще.

Она хмыкнула, но ничего не сказала. Мы прошли ещё немного в тишине. Я заметил, что она теперь шла не сцепив руки за спиной, а засунув их в карманы пальто. Жест какой-то... защитный, что ли.

— А сам ты в этой своей «беспорядочной» жизни — кто? — спросила она наконец. — Причина или случайность?

— Понятия не имею, — честно ответил я. — И меня это устраивает.

— Удобная позиция, — сказала она с лёгкой насмешкой.

— Самая удобная, — согласился я.

Мы вышли к метро. Стеклопакетные двери вестибюля блестели, из подземки тянуло тёплым воздухом и запахом резины. Юля остановилась у входа, достала из кармана проездной. И тут я заметил ещё одну деталь: на обратной стороне проездного была наклеена маленькая звёздочка — золотая, из детского набора. Нелепая, почти смешная для человека с её идеальной спиной и ледяным взглядом.

— Знаешь, Ваня, — сказала она, глядя куда-то в сторону. — Ты не так прост, как хочешь казаться.

— Это ты сейчас о чём? — спросил я без особого интереса, хотя внутри что-то дёрнулось.

— О том, что ты вообще согласился меня проводить, — ответила она ровно. — И о том, что говорил сейчас. Почти как живой.

— Почти, — повторил я.

Она накрутила прядь волос на палец — медленно, задумчиво. Не отдернула руку на этот раз. Оставила так, будто разрешила себе эту маленькую слабость.

— Именно, — кивнула она. — Ладно, пока.

Она приложила карту к турникету и шагнула вниз по эскалатору. Не обернулась. Я и не ждал.

Секунду помедлил, глядя, как её фигура медленно уходит в глубину, растворяясь в бледном свете подземной станции. Потом пожал плечами и тоже шагнул к турникету.

В конце концов, мне самому нужно было домой. И метро — самый быстрый способ. Не из-за неё, не ради компании. Просто так сложился маршрут.

В вагоне было почти пусто. Я сел у двери, прислонился виском к холодному стеклу. За тоннелем мелькали редкие лампы — белые вспышки, тьма, белые вспышки. Гул колёс заполнял голову, вытесняя мысли. Но не все.

Звёздочка на проездом. Три шага вокруг лужи. Жест с волосами — накручивает, выпускает, накручивает снова. Я запоминал это против воли. Как будто мой мозг вдруг решил, что это важнее всего остального.

Платформа. Автоматические двери открылись с шипением. Я вышел, поднялся по эскалатору и зашагал по ночной улице — уже ближе к дому.

Утром я уже заходил в вестибюль университета, когда услышал знакомый голос.

— Ваня. Подожди.

Я остановился. Ко мне, не торопясь, приближался Ильич. На этот раз без своей вечной папки. Очки на месте, но выражение лица — спокойное. Даже слишком.

— Доброе утро, — сказал я.

— Утро, — кивнул он. — Есть время?

— Смотря зачем.

Он усмехнулся — коротко, без обычной нервозности.

— Поговорить. Не как куратор с подопечным. Как человек с человеком.

Мы вышли из основного потока и свернули в пустой коридор. Здесь было тише. Только эхо шагов и редкие голоса из закрытых аудиторий.

— Ты знаешь, я за тобой наблюдаю, — начал Ильич. — Не в том смысле, в каком ты мог подумать. Просто... ты выделяешься.

— Спасибо, — сказал я без энтузиазма.

— Не за что. — Он прислонился к подоконнику. — Ты умный парень. Это видно. Но ты не используешь свой ум. Ты используешь его как броню. Как способ ничего не чувствовать.

Я промолчал, но внутри заскребло знакомое раздражение. Опять эти разговоры. Опять кто-то лезет с «ты боишься», «ты закрываешься».

— Я не буду говорить тебе про якоря, мечты и прочую ерунду, — продолжил он. — Это всё красивые слова, за которыми каждый понимает что-то своё. Я скажу проще.

Он повернулся ко мне, и в его глазах не было снисходительности. Только спокойная, взрослая серьёзность.

— Ты боишься. Боишься вложиться во что-то и не добиться результата. Боишься поверить в людей, а они тебя подведут. Боишься, что если снимешь эту маску «мне всё равно», то под ней окажется кто-то, кого ты сам не знаешь. И это нормально. Все боятся. Разница только в том, что одни признают страх и работают с ним, а другие прячутся за фразами вроде «а мне и не надо».

— Звучит как проповедь, — сказал я, хотя где-то внутри эти слова зацепились.

— Так и есть, — ответил он. — Мне двадцать девять. Я не старик, я не знаю всех ответов. Но я успел наделать достаточно ошибок, чтобы научиться отличать защиту от настоящего равнодушия. У тебя — защита. Равнодушному человеку не было бы дела до того, что говорят

другие. А ты — помнишь каждую фразу, каждый взгляд. Ты анализируешь, пережёвываешь, раскладываешь по полочкам. Равнодушный так не делает.

Я хотел возразить, но он поднял руку.

— Не отвечай. Просто подумай над этим. Ладно?

Я кивнул. Медленно, неохотно, но кивнул.

— И кстати, — добавил уже на выходе из коридора. — Юлия вчера вернулась домой не в обычное время. На пятнадцать минут позже. Сказала, что «шла медленно». Я её четыре года знаю — она никогда не ходит медленно. И никогда не объясняет, почему пришла не вовремя, если только...

Он не договорил. Улыбнулся и ушёл.

Клуб встретил меня полумраком и запахом пыли. Я толкнул дверь, бросил рюкзак на стул и увидел её.

Юлия уже сидела за столом — прямая, как линейка, с неизменной папкой в руках. Я заметил, что она поправляла край страницы — ровняла его ногтем, хотя лист и так лежал идеально. Она делала это всегда, когда о чём-то думала. А ещё — её пальцы левой руки накручивали прядь волос на указательный палец. Медленно, автоматически, будто она сама не замечала.

— Явился, — сказала она, даже не поднимая головы. — Отлично. Садись. Есть разговор.

— Какой ещё разговор? — спросил я без энтузиазма, но сел.

Она наконец подняла глаза. Холодные, спокойные, без тени эмоций. Но я уже научился замечать: когда она злится по-настоящему, её правая бровь поднимается на миллиметр выше левой. Сейчас — нет. Значит, деловой разговор. Рука отпустила волосы, легла на стол.

— Завтра концерт, — сказала она ровно. — Всё должно быть готово. Ты отвечаешь за координацию за кулисами. Чтобы никто не опоздал, не забыл текст, не потерялся.

— Понял, — кивнул я.

Она снова вернулась к бумагам.

— Сегодня уходим пораньше, — добавила она, не поднимая головы. — Завтра тяжёлый день. Выспись.

— Забота? — усмехнулся я.

— Расчёт, — поправила она. — Ты нужен мне завтра в рабочем состоянии.

— Как скажешь.

Я поднялся и вышел из кабинета.

На улице было холодно. Я достал телефон и уже хотел написать Ильичу отчёт, как увидел новое сообщение от него.

«Вань. Насчёт Юли и фуршета. Поговори с ней сегодня. Не завтра. Не послезавтра. Сейчас. Я скинул тебе её контакт. Уговори. Это важно».

Я остановился посреди тротуара. Мимо шли люди — кто-то обходил меня справа, кто-то слева, кто-то буркнул «чего встал?». Я смотрел на экран и чувствовал, как во мне закипает тихое, вязкое раздражение.

Сейчас? Её? Уговаривать?

Мы с Юлей не обменивались номерами. Мы вообще не обменивались ничем, кроме кол-костей и взаимного раздражения. И вот теперь Ильич вбрасывает меня в эту историю, даже не спросив, хочу ли я.

Но, с другой стороны, он и не обязан был спрашивать. Он просто дал задание. А я, кажется, согласился. Или не отказал.

Я вздохнул, отошёл к фонарному столбу, прислонился спиной к холодному металлу и написал:

«Ты где?»

Коротко. Без приветствий. Без смайликов. Как человек, который задаёт вопрос, потому что вынужден, а не потому, что ему интересно.

Ответ пришёл через минуту. Я даже удивился — ожидал, что она проигнорирует или ответит через час.

«В библиотеке. А ты кто и зачем?»

Я усмехнулся. Даже в сообщениях — эта ледяная вежливость, которая хуже любой грубости.

«Ваня. Нужно поговорить. Выйди».

«О чём?»

«О деле. Не в переписке. Выйди».

Долгое молчание. Я уже решил, что она послала меня в игнор, когда телефон снова завибрировал.

«Через пять минут у центрального входа».

Я убрал телефон в карман и медленно пошёл обратно к университету. Небо над головой было тёмно-синим, почти чёрным. Фонари уже зажглись, но их свет казался тусклым, будто они устали так же, как и я. Ветер поднимал с асфальта сухие листья и бросал их под ноги — шуршание было единственным звуком, кроме моих шагов.

Университет вечером — это совсем другое место. Нет суеты, нет этой вечной беготни. Коридоры пусты, свет горит только в нескольких окнах — там, где засели до ночи самые упорные. Двери закрыты, аудитории молчат. Всё здание кажется вымершим — огромный каменный скелет, в котором теплится только несколько живых клеток.

Юля стояла у центрального входа. Я узнал её издалека — прямой силуэт, руки в карманах пальто, волосы чуть растрёпаны ветром. Она смотрела в телефон, и свет от экрана освещал её лицо снизу, делая его похожим на маску.

— Долго? — спросила она, даже не поднимая головы.

— Добрый вечер тебе тоже, — ответил я, подходя ближе.

Она наконец подняла глаза. Холодные, как всегда. Без тени любопытства.

— Что за дело?

— Фуршет после концерта, — сказал я прямо. — Ты должна на нём быть.

— Должна? — В её голосе появилась лёгкая насмешка. — Кто это решил?

— Ильич.

— Передай Ильичу, что я занята.

— Я передам, — кивнул я. — Но сначала ты выслушаешь.

Она смотрела на меня с тем особенным выражением, которое бывает у людей, когда они решают, стоит ли тратить время. Потом едва заметно кивнула.

— У тебя минута.

— Не на улице, — сказал я. — Холодно.

Она чуть приподняла бровь — жест, который я уже научился распознавать как слабый признак удивления.

— Ты заботишься о моём здоровье? Прогресс.

— Я забочусь о том, чтобы не стоять на морозе и не слушать, как у тебя зубы стучат.

Идём внутрь.

Она развернулась и пошла в здание. Я — за ней.

Внутри было темно и тихо. Эхо шагов разносилось по коридорам как в пещере. Юля остановилась у окна на первом этаже — за ним была чёрная стена, ничего интересного. Но она смотрела туда, будто там было что-то важное.

— Давай, — сказала она. — Твоя минута пошла.

Я вздохнул. Не от усталости — от понимания, что обычные методы здесь не работают. Её не проймёшь просьбами, не растрогаешь словами. Но и убеждать её, разводить эту дурацкую дипломатию — тоже не моё.

— Слушай, — сказал я, прислоняясь плечом к стене. — Я не буду тебя уговаривать. Мне, честно говоря, плевать, придёшь ты или нет. Мне вообще на всё плевать. Но Ильич попросил — а я, сам не знаю зачем, согласился. Так что чисто формально я должен сделать вид, что пытаюсь.

Она повернулась ко мне. Взгляд — холодный, оценивающий.

— И как ты собираешься «делать вид»?

— А никак, — пожал я плечами. — Я просто скажу: Юля, фуршет после концерта. Я буду там. Лиза будет. Ильич будет. А ты нет. И все подумают, что ты боишься.

— Я не боюсь, — отрезала она.

— Я знаю. — Я скрестил руки на груди. — Но они-то не знают. Для них ты просто «та самая отличница, которая даже на фуршеты не ходит, потому что слишком крутая». Или потому что не умеет разговаривать с людьми без бумажки в руках. Или потому что у неё нет нормальной одежды.

Последняя фраза была подлой. Я это знал. Но я также знал, что Юлю можно задеть только там, где она сама себя считает уязвимой.

— У меня есть нормальная одежда, — сказала она ледяным тоном.

— Я не сомневаюсь. — Я зевнул — нарочито, почти театрально. — Но выглядеть это будет так, будто ты просто не захотела. А не захотеть — это право каждого. Я сам, скорее всего, не пошёл бы. Но раз уж втянули...

— Ты не идёшь? — переспросила она, и в её голосе впервые за вечер мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Иду, — ответил я. — Потому что Ильич попросил. И потому что, — я сделал паузу, — если я не приду, то Лизе придётся одной разбираться с этой кутерьмой. А она — хороший человек. Пусть и слишком громкая. Не хочу её подставлять.

Юля посмотрела на меня долгим взглядом.

— Ты идёшь ради Лизы? — переспросила она с лёгким недоверием.

— А что тут такого? — Я пожал плечами. — У людей есть те, кто им дорог. У меня, может, нет. Но это не значит, что я не могу сделать что-то для кого-то, кто мне не противен. Ты же знаешь, я редко кого-то выношу. А Лизу — выношу. Почти.

Она чуть заметно качнула головой — не то осуждающе, не то задумчиво.

— Ты странный, Ваня.

— Знаю, — кивнул я. — Ты уже говорила.

Повисла тишина. Я смотрел в окно, за которым чернела ночь. Она — куда-то в пол.

— Ладно, — сказала она наконец таким тоном, будто делала мне огромное одолжение. — Я приду. Но ненадолго. И не потому, что ты меня уговорил. А потому что... — она запнулась, — потому что Ильич прав. И ты тоже. Хотя ты бесишь меня больше всех.

— Взаимно, — усмехнулся я. — Но приятно слышать.

Она посмотрела на меня — и в этом взгляде не было льда. Не было тепла. Было что-то среднее — какая-то странная, почти человеческая усталость.

— Ты хотя бы куртку застегни, — сказал я, отходя от стены. — На улице холодно. Не хватало ещё, чтобы королева простудилась за два дня до концерта.

Она чуть заметно усмехнулась — первый раз за весь вечер.

— Ты заботишься обо мне? Два раза за один вечер. Смотри, не сойди с ума от нежности.

— Не волнуйся, — ответил я, направляясь к выходу. — Доза маленькая. Терпимо.

Я вышел на крыльцо. Она — следом.

— Проводишь до метро? — спросила она, застёгивая куртку.

— Нет, — сказал я. — Ты сама сказала, что не нуждаешься. Да и я, если честно, устал от твоей компании на сегодня.

— Справедливо, — повторила она. Но в голосе не было злости.

Она развернулась и пошла вперёд, не оглядываясь. Я постоял с минуту, глядя ей вслед. Телефон завибрировал. Ильич.

«Ну что?»

Я написал: «Придёт. Сказала, что не из-за меня. Но прикол в том, что из-за меня».

Ильич ответил смайликом. Первый раз за всё время.

Странная ночь. Странная девушка. И я — странный, который только что сделал что-то хорошее для человека, который ему даже не нравится.

И почему-то на душе было не так паршиво, как обычно.

Телефон снова завибрировал. Я достал его, думая, что это опять Ильич. Нет. Сообщение от Юли:

«Завтра концерт. Ты отвечаешь за порядок. Не подведи».

Я прочитал дважды. Потом убрал телефон в карман. Ни «спасибо». Ни «ты был прав». Ни даже «до завтра». Но она написала. Сама. Без напоминаний. Это уже что-то.

Я вышел из метро и зашагал к дому. Ноги несли сами. Голова была почти пуста. Только одна мысль — короткая, как вздох:

«Может, я не такой бесполезный, как думал».

Я почти улыбнулся.

Почти.

5

Утро концерта началось с суеты, которую я ненавидел больше всего на свете.

Актный зал университета напоминал растревоженный улей. Студенты сновали туда-сюда с проводами, микрофонами и нотами. Кто-то настраивал свет, кто-то спорил о порядке выступлений. Кто-то просто стоял посреди сцены с потерянным видом и мешал всем остальным. Пахло пылью, старыми кулисами и дешёвым кофе из автомата. Я хотел бы стоять где-нибудь в углу и просто наблюдать, но вместо этого меня заставили таскать стулья.

Юля стояла в центре зала, как дирижёр перед оркестром. Руки скрещены на груди, взгляд сканирует каждый угол. Она уже успела проверить свет, звук, стулья в первом ряду и даже то, как сложены программки на входе. Я заметил, как её пальцы то и дело наматывают прядь волос — быстрые, нервные движения, которые она тут же подавляет, словно ловит себя на слабости. Она заметила, что я смотрю, и убрала руку в карман.

— Сцена готова? — спросила она у проходящего мимо техника. — Микрофоны проверены?

— Да, Юль, всё пучком, — отмахнулся парень, даже не остановившись.

— Не «пучком», а по списку. Принеси список.

Техник вздохнул и поплёлся выполнять. Юля — единственный человек в этом университете, которого слушают без вопросов. Не потому, что она главная. А потому, что с ней спорить себе дороже.

Я плюхнулся на ближайший стул и приготовился наблюдать.

Я выглядел так, будто только что выполз из могилы. Всклокоченные волосы, тёмные круги под глазами, куртка нараспашку. Я не спал почти двое суток — сначала готовил технический план, потом проверял аппаратуру, потом просто лежал и смотрел в потолок, потому что организм забыл, как выключаться.

Я зевнул — долго, громко, ничуть не стесняясь.

Юля даже не обернулась.

— Явился, — ледяным тоном сказала она. — Ты опоздал.

Я посмотрел на часы. Потом на неё.

— На сколько?

— На двадцать минут.

— Не критично.

Я зевнул снова. Честно говоря, я вообще не понимал, зачем пришёл так рано. Прогон без меня бы начался, аппаратура настроена, студенты и так всё сделают. Моё присутствие здесь было чистой формальностью. Но Юля, кажется, считала иначе.

— Начался бы, — сказала она, и голос её стал ещё холоднее. — Но это не значит, что можно опаздывать.

— А я и не опаздывал. Просто пришёл позже, чем ты хотела.

Она наконец повернулась к намне. Взгляд — такой, что можно заморозить воду. Но я давно перестал бояться её взглядов. Я заметил другое: её правая бровь поднялась на миллиметр выше левой. Это был верный признак — не просто злость, а настоящее бешенство. Когда она так злится, её пальцы обычно начинают накручивать волосы. Сейчас руки были в карманах. Сдерживалась.

— Ты невыносим, — сказала она.

— Взаимно, — усмехнулся я.

— Всем привет!

В зал влетела Лиза. Розовощёкая, растрёпанная, с двумя бутылками воды в руках и рюкзаком за плечами, который явно весил больше неё. От неё пахло мятной жвачкой и утренней бодростью. Откуда в людях столько энергии в восемь утра? Я никогда этого не понимал.

Она оглядела зал, оценивающе прищурилась, потом широко улыбнулась.

— Всё идёт по маслу! — объявила она. — Свет проверили, звук нормальный, выступающие на месте.

— А ведущая? — спросила Юля.

— Маша сейчас подойдёт. Она немного волнуется, но это нормально.

— Волнение — это нормально, — кивнула Юля. — Паника — нет. Скажи ей, чтобы дышала.

Лиза кивнула и умчалась так же быстро, как появилась.

Я остался сидеть на стуле, наблюдая за прогоном.

Студенты выходили на сцену один за другим. Кто-то читал стихи, кто-то пел, кто-то просто говорил речь. У всех были дрожащие руки и слишком громкие голоса. Они старались так, будто от этого выступления зависела их жизнь.

Зачем? Вот честно, зачем?

Я смотрел на них и не понимал. Ради одного мгновения — когда зал смотрит на тебя и хлопает. Ради десяти секунд чужого внимания. Потом все разойдутся, забудут твоё имя, и ты останешься один с чувством, что сделал что-то важное, хотя на самом деле ничего не изменилось.

Я никогда не стремился к этому. Не понимал этой жажды быть на виду. Зачем выходить на сцену, если можно сидеть в углу и читать книгу? Зачем доказывать что-то людям, которым на тебя наплевать?

Но они старались. Выкладывались. Заучивали тексты, репетировали движения, поправляли костюмы. Вся эта суета ради одного выступления, которое через неделю никто не вспомнит.

Я вздохнул и продолжил наблюдать.

А потом я заметил странную вещь.

Ведущая — Маша, подруга Лизы, — стояла за кулисами и перечитывала свой текст. Но делала это как-то... не так. Её руки дрожали сильнее, чем у остальных. Она перебирала карточки снова и снова, но взгляд скользил по строчкам, не задерживаясь. Она не читала. Она смотрела в бумажку, но не видела ни слова.

Я наблюдал за ней минут пять. Она выдохнула, зажала карточки в кулак, потом снова разжала. Потом отошла к стене, прислонилась лбом к холодной штукатурке и замерла.

Её лицо было бледным. Губы шевелились без звука.

«Волнуется», — подумал я. — «Сильнее, чем хочет показать».

Но это не моё дело. Пусть справляется сама.

Прогон закончился. Юля объявила двадцатиминутный перерыв перед началом концерта. Студенты разбрелись по коридорам, кто-то пить воду, кто-то дышать свежим воздухом, кто-то просто перевести дух.

Я уже собирался уйти в сторону аппаратной, когда услышал голос Лизы:

— Ребята... Маши нигде нет.

Она стояла посреди зала, растерянная, с телефоном в руке. На её лице не было обычной улыбки.

— В смысле нет? — спросила Юля, подходя ближе.

— Я звонила ей. Не берёт. Все вещи на месте — сумка, карточки с текстом, даже куртка.

Но её самой нет. Никто не видел.

Юля посмотрела на часы. До концерта — пятнадцать минут.

— Найти. Немедленно.

— Мы ищем, — сказала Лиза. — Я всех подключила.

Я стоял в стороне и молчал. Не моё дело. Пусть ищут сами.

Но судьба, как обычно, решила иначе.

Юля повернулась ко мне.

— Ваня. Ты идёшь искать.

— Почему я?

— Потому что ты здесь единственный, кто не занят. И потому что, — она сделала паузу, — если концерт сорвётся, спор мы с тобой не закончим. А мне нужна чистая победа.

Она соврала. Я видел по глазам. Дело было не в споре. Она просто не хотела признавать, что нуждается в помощи.

— Хорошо, — сказал я. — Но я не собака. Не буду по всему зданию бегать с высунутым языком.

— Бегай как хочешь. Найди.

Я вышел в коридор.

Здание университета было огромным, старым, с длинными пустыми коридорами и закрытыми аудиториями. На первом этаже — шум, суета, кто-то готовил декорации. На втором — тише. На третьем — вообще ни души.

Я проверил столовую. Нет. Библиотеку. Нет. Женский туалет на втором этаже — постучал, спросил, получил в ответ грубое «отвали». Ладно, не туда.

Я уже начал раздражаться. Зачем я вообще согласился? Какое мне дело до чужой ведущей? Если она сбежала — её проблемы.

Но ноги шли дальше. Сами.

На четвёртом этаже, в самом конце коридора, я заметил дверь в какой-то заброшенный кабинет. Свет под дверью пробивался тонкой полоской. Я толкнул дверь — она не была заперта.

Маша сидела на подоконнике.

Ноги поджаты, лицо бледное, глаза красные. Она не плакала, но была в одном шаге от этого. Карточки с текстом валялись на полу — она их даже не заметила.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я, закрывая за собой дверь.

Она вздрогнула, но не обернулась.

— Я... я не могу, — прошептала она. — Я не выйду.

— Концерт через десять минут.

— Я знаю. И я не выйду.

Я вздохнул и сел на стул напротив. Нужно было её уговорить. Юля сказала «найти» — значит, найти и вернуть. Но я не умею уговаривать. Я умею только говорить правду. Иногда жестокую. Всегда жестокую.

— Слушай, — сказал я, глядя ей прямо в глаза. — Ты думаешь, что ты здесь главная. Что без тебя концерт провалится. Что все будут смотреть только на тебя. Что ты — звезда.

Она подняла голову. В глазах — удивление.

— Я не...

— Я не закончил. — Я перебил её. — Ты всё это затеяла не ради концерта. Ты затеяла это, чтобы на тебя обратили внимание. Чтобы твои подруги увидели, какая ты смелая. Чтобы Лиза гордилась тобой. Чтобы кто-то заметил, что ты существуешь.

Она замерла. Её губы дрожали.

— Это неправда, — прошептала она.

— Правда. — Я говорил спокойно, почти равнодушно. — Ты не веришь в себя. Ты надеешься, что кто-то другой поверит за тебя. Но никто не поверит. Ты выйдешь на сцену, запнёшься, и все просто отвернутся. Потому что людям плевать. Они пришли на концерт, а не смотреть, как кто-то мучительно пытается не забыть текст.

Я не знал, зачем я это говорил. Может быть, чтобы добить её. Может быть, чтобы она, наконец, сорвалась и сделала что-то от отчаяния. Мне было всё равно.

— Ты ничего не стоишь, — закончил я. — Пока сама себе не докажешь обратное.

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Её пальцы сжались в кулаки.

А потом дверь распахнулась.

На пороге стояли три девушки — её подруги. Лица испуганные. Одна из них, высокая брюнетка, держала в руке телефон.

— Маша... мы слышали, — тихо сказала она. — Мы искали тебя и... слышали.

Маша побледнела ещё сильнее. Её взгляд метался между мной и подругами.

— Это неправда, — повторила она, но голос уже не дрожал. Он стал твёрже. — То, что он сказал. Это неправда.

— Маш, пошли отсюда, — сказала брюнетка. — Не слушай его.

Но Маша не двинулась с места.

Она смотрела на меня. Долго. Пристально. Я не отводил взгляда.

— Ты думаешь, что ты умный, — сказала она вдруг. — Ты думаешь, что всё про всех знаешь. Но ты ничего не знаешь.

Она поднялась с подоконника. Подошла ко мне вплотную.

— Я выйду на сцену. И я сделаю всё идеально. Не ради тебя. Не ради них. — она кивнула в сторону двери. — Ради себя.

Она замахнулась.

Я не успел уклониться.

Пощёчина была звонкой. Боль обожгла щёку, но я даже не моргнул. Маша смотрела мне в глаза — без страха. Без слёз.

— Я докажу, что ты врешь, — сказала она. И вышла из кабинета. Подруги — за ней.

Я остался один.

Дверь закрылась. Свет лампы мигнул и погас — перегорела. Теперь только тусклый свет из окна освещал комнату. Я сидел на стуле посреди пустого кабинета и смотрел в одну точку.

Лицо горело. Не от боли. От чего-то другого.

«Зачем я это сказал?» — подумал я. — «Зачем вообще сюда пришёл?»

Я знал ответ. Потому что так было проще. Разозлить человека — заставить его действовать. Это работает чаще, чем ласковые уговоры. Но сейчас, оставшись в темноте, я чувствовал себя не умным циником, а просто... жестоким.

В голову пришла одна мысль — холодная, циничная, как всё, что я обычно думал:

«Иногда правда нужна человеку не для того, чтобы стать лучше. А чтобы разозлиться настолько, что выбора не останется. И в этой злости — единственный шанс не сбежать».

Я усмехнулся. Красиво звучит. Но легче не стало.

Я поднялся, отряхнул колени и вышел из кабинета.

Концерт прошёл идеально.

Я стоял за кулисами, проверял аппаратуру и слушал, как Маша ведёт программу. Её голос был ровным, чётким, уверенным. Ни одной запинки. Ни одной ошибки. Она шутила, объявляла номера, создавала атмосферу — как будто всю жизнь стояла на этой сцене.

Я не видел её лица, но слышал аплодисменты. Слышал, как в конце зал взорвался овациями.

Она справилась.

И это... удивило меня. Честно. Я был уверен, что она сломается. Но она не сломалась.

Когда концерт закончился, студенты разошлись. Кто-то хлопал друг друга по плечам, кто-то обнимался, кто-то плакал от счастья. Я остался в зале один. Нужно было убрать аппаратуру — микрофоны, стойки, колонки.

Я делал это медленно, механически, без мыслей. Просто работа.

— Вань.

Я поднял голову.

В дверях стояла Лиза.

Она была не одна — с ней были какие-то ребята, но она их отпустила жестом. Они переглянулись и вышли.

Лиза подошла ко мне. Обычно она улыбалась всегда. Сейчас — нет. Её лицо было серьёзным, спокойным. Не радостным. Не игривым. Просто — благодарным.

— Я знаю, что ты там сказал Маше, — начала она. — Она мне рассказала. Сама. Всё.

Я промолчал. Не было смысла оправдываться.

— Я сначала хотела на тебя накричать, — продолжила Лиза. — Но потом поняла... это сработало.

— Методы не мои проблемы, — ответил я. — Результат — да.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Без осуждения. Без жалости.

— Ты противный, Вань. Ты говоришь жестокие вещи. Ты делаешь больно. Но... — она сделала паузу. — Ты сделал это не потому, что тебе всё равно.

— Я сделал это, потому что меня попросили найти её и вернуть. Всё.

— Нет, — покачала головой Лиза. — Ты мог просто позвонить мне и сказать, где она. Но ты остался с ней. Ты говорил с ней. Ты потратил время. Человеку, которому всё равно, было бы плевать.

Я хотел возразить. Но она подняла руку.

— Не спорь. Я тебя благодарю. Не за метод. За то, что концерт состоялся. За то, что ты не ушёл, когда мог. За то, что... — она запнулась. — За то, что ты есть. Даже такой.

Она улыбнулась. Не широко, как обычно. Тихо. Почти грустно.

— Без тебя бы концерта не вышло, — сказала она. — Серьёзно.

Она подошла ближе и положила руку мне на плечо. Держала секунду. Потом убрала.

— Ты хороший человек, Вань. Ты просто забыл об этом.

Она развернулась и вышла из зала.

Я остался один. Среди аппаратуры, проводов и пустых стульев.

В голове застряла её фраза: «Ты хороший человек. Ты просто забыл об этом».

Я усмехнулся.

«Хороший человек» не говорит другим, что они ничего не стоят. «Хороший человек» не врёт себе каждый день про собственную выгоду. «Хороший человек»... не знаю. Может, таких вообще не бывает.

Но почему-то сейчас было не так паршиво, как обычно.

Я убрал последний микрофон в кейс, закрыл его, щёлкнул замками.

— Вань. Подожди.

Голос Юли.

Я обернулся. Она стояла в проходе между рядами стульев. Прямая, серьёзная. Пальцы тербели прядь волос — она заметила, что я смотрю, и убрала руку.

— Ты сегодня... не подвёл, — сказала она. И добавила тише: — Концерт прошёл отлично. Твоя заслуга.

— Наша общая.

Она не стала спорить. Кивнула.

— Фуршет в шесть. Ты придёшь?

— А выбор есть?

— Нет, — сказала она. — Ильич велел.

— Тогда приду.

Она развернулась и вышла. Я остался один в пустом зале.

К шести вечера зал преобразился.

Стулья расставили вдоль стен — аккуратно, строго, явно рукой Юли. В центре появились столы с закусками: простыми, недорогими, но выглядело прилично. Бутерброды с красной рыбой, корзиночки с чем-то, напоминающим тарталетки, фрукты, соки. В углу — пластиковые стаканчики. Пахло выпечкой, кофе и чуть-чуть — хвоей из уличного мороза, который врывался в каждый раз, когда кто-то открывал дверь.

Я взял стакан сока — просто чтобы занять руки. Есть не хотелось. Тело всё ещё ломило после бессонной ночи, но внутри появилось странное, непривычное спокойствие. Как будто тяжёлый груз, который я тащил несколько дней, наконец-то опустили на землю.

Я прислонился к стене в углу и начал наблюдать.

Студенты толпились у столов, громко смеялись, обсуждали выступления. Кто-то уже успел налить себе сока в третий раз. Кто-то стоял с телефоном и листал фото. Кто-то обнимался, вспоминая удачные моменты на сцене. Обычная суета. Ничего интересного.

А потом вошла Юля.

Я заметил её сразу — невозможно было не заметить.

На ней было платье. Тёмно-синее, длинное, с закрытыми плечами, но таким вырезом, который делал её фигуру ещё более прямой и строгой. Ткань переливалась в свете ламп, как чешуя рыбы, — не ярко, не вызывающе, а как-то... глубоко. Будто вода в ночном озере, в которой отражаются фонари. Волосы были распущены, лежали мягкими волнами, а не собраны в привычный идеальный хвост. Туфли на небольшом каблучке делали её выше. Намного выше.

Она выглядела так, будто пришла не на студенческий фуршет, а на светский раут. И при этом — ни капли пафоса. Просто знала, как выглядеть. Всегда знала.

Я заметил, как несколько парней провожали её взглядом. Она не обращала внимания — прошла к столу, взяла чашку чая, даже не глядя на бутерброды, и отошла к окну. Спина прямая, плечи расправлены — как всегда. Но я научился замечать другое: напряжение в шее, слишком плотно сжатые пальцы на ручке чашки.

И тогда я увидел это.

На внутренней стороне её правого запястья, чуть выше косточки, когда она поправляла рукав, блеснуло что-то золотое. Маленькая звёздочка. Не наклейка — рисунок хной. Временный, но аккуратный, выведенный с такой тщательностью, будто она рисовала его час.

Звезда на запястье человека, который живёт по линейке.

Это было настолько нелепо — и одновременно так по-человечески, — что я невольно усмехнулся.

Она заметила мой взгляд. Посмотрела на свою руку. Потом на меня.

— Что? — спросила она. Голос тише обычного, без привычной отстранённости.

— Ничего, — ответил я. — Просто не ожидал.

— Чего?

— Что у королевы порядка есть слабость к детским рисункам.

Она посмотрела на звёздочку, потом снова на меня.

— Это не рисунок. Хна. Держится две недели. — Пауза. — Мне нравится.

— Я не спрашивал.

— А я всё равно сказала.

Она отвернулась к окну, но рукав не поправила — оставила звёздочку на виду.

Через несколько минут ко мне подошёл Ильич. В руке — стакан сока. Галстук съехал набок, щетина стала ещё гуще, но глаза сияли.

— Ну что, герой? — спросил он, присаживаясь рядом на подоконник.

— Не называйте меня так.

— А как назвать? Ты сегодня сделал то, на что никто другой не решился. Нашёл ведущую.

Заставил её выйти на сцену. Концерт прошёл без сучка без задоринки. — Он отхлебнул сок. — По-моему, герой.

— Я просто сказал ей правду. Жёсткую. Она разозлилась и вышла.

— Именно. А ты думаешь, почему другие не сказали? Потому что боялись. Боялись обидеть, боялись испортить отношения, боялись показаться жестокими. А ты — нет. И это сработало.

Я промолчал.

Ильич посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты молодец, Ваня, — сказал он просто. — Я в тебя верил. И не ошибся.

Он хлопнул меня по плечу и отошёл к столу с закусками.

Через некоторое время ко мне подошла Лиза.

Она уже переделалась из концертного платья в джинсы и свитер, волосы собрала в небрежный пучок. Выглядела измождённой — в хорошем смысле. И не болтала, как обычно. Просто встала рядом и тоже прислонилась к стене.

— Тяжело? — спросил я.

— Валяюсь, — честно ответила она. — Но это приятное валяние. Когда понимаешь, что всё получилось не зря.

— Получилось. Твоя подруга молодец.

— Маша? Да. Она сказала, что никогда тебя не простит. Но я думаю, простит. Через пару недель.

— Мне не нужны её прощения.

— Знаю. — Лиза улыбнулась. — Ты вообще ничьи прощения не ищешь. Ты и не извиняешься никогда.

— За что извиняться? За правду?

— За жестокость, Ваня. Иногда правда может быть жестокой. И за это стоит извиняться.

Я посмотрел на неё. Она говорила не как весёлая болтушка, а как взрослый человек. Который знает что-то, чего не знаю я.

— Может быть, — сказал я, чтобы что-то сказать.

Она не стала спорить. Просто стояла рядом и молчала. И в этом молчании не было неловкости.

— Знаешь, — сказала она вдруг. — Я рада, что ты согласился помочь. Не только с концертом. А вообще. Вступил в клуб. Остался, когда мог уйти.

— Меня заставили.

— Неправда. Тебя заставили вступить. Но остаться — это твой выбор. Ты мог делать вид, что тебя нет. Сдавать задания формально. Не вникать. Но ты... ты вникал. Ты нашёл Машу.

Ты поговорил с Юлей про фуршет. Ты убирал аппаратуру, когда никто не видел. Это не «меня заставили». Это ты сам.

Я не нашёлся, что ответить.

Лиза толкнула меня плечом.

— Ладно, философ. Я пойду, пообщаюсь с народом. А ты не сбегай, ладно? Хотя бы сегодня побудь с нами.

— Хорошо, — сказал я.

Она отошла, но на полпути обернулась.

— Вань. Я правда рада, что ты есть.

И улыбнулась. Той самой тёплой, неигровой улыбкой.

Фуршет постепенно затихал. Студенты расходились. Лиза уехала с подругами около половины десятого. Ильич исчез ещё раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.